

Елена Маркова вспоминает: «Каторжанка»

Елена Маркова родилась в 1923 г. в Киеве. Родители репрессированы, отец расстрелян в 1937 году. В 1941-1943 годах находилась на оккупированной территории в Донецкой области. После освобождения области советской армией была арестована органами НКВД и приговорена к 15 годам каторжных лагерей. 10 лет была заключенной Воркутлага. Реабилитирована. Доктор технических наук.

Ну, если говорить о гибели вот этого поколения, значит, мой папа, преподаватель, он был репрессирован и расстрелян в тридцать седьмом году, во время большого террора. Мама арестована в тридцать восьмом году.

И вот мне предлагали там написать заметку в стенгазету, что я порицаю своих родителей, там, и так далее, что я патриотка. Но я этого не сделала.

Начало II Мировой войны. Жизнь в оккупации

Так, и вот, значит, начало войны. У меня, конечно, рушилась моя мечта об университете. Несмотря на то, что я была вот дочь репрессированного, но я тогда ещё не понимала, что, может, меня в университет и не примут.

Значит, Донбасс сдавали без боя. Поэтому мы на линии фронта, вот, когда немцы двигались, а мы отступали, мы даже не понимали, что происходит.

Не все евреи смогли эвакуироваться, потому что не было просто средств. Ну, пешком, шли пешком. И вот тоже деталь наших близких друзей, еврейская семья. У нас, с детства я их помню, они с папой и с мамой очень дружили. Были таких две сестры, врача.

Они кое-что погрузили, двинулись. Одна, там, или две лошадки были. Они немного продвинулись, оказалось, впереди уже немцы. Они вернулись. И вот, когда они вернулись, а тут уже немцы пришли, они просили меня у них пожить,

чтобы, если немцы придут, я открывала дверь, а не они. Ну, они думали, что всё-таки опасность есть, но если будет русская девочка, то немцы сразу уйдут. Никто не понимал реального положения. И вот я какое-то время жила у них. Потом их всё-таки, конечно, увели, и они погибли.

Февраль, это что-то одиннадцатое февраля было. Был прорыв фронта уже в том месте, где мы жили. Это Донбасс, город Красноармейск.

И я выбежала на улицу Ленина, и там раненые валялись просто, вот, на улице. Никакого медсанбата, никаких медсестёр не было. Люди истекают кровью, кричат, и никто их не спасает.

Я начала перетаскивать раненых в здание нашей городской поликлиники, которая была через несколько улиц, там, улица Свердлова, это была городская поликлиника. Мне сразу пришла мысль, что там же медицинское учреждение, надо спасать людей и туда их перетащить.

Я их там поила, перевязывала, как-то утешала. И вот это оказалась такая группа раненых в этом пустом здании поликлиники, где я пыталась им оказывать помощь. А потом, уже через несколько часов, официально пришёл медсанбат.

А уже это был прорыв фронта, и бой за город, он всё время продолжался. Часть города была у десанта, а часть города была у немцев. И мы не успели оглянуться, когда кто-то крикнул в окно: «Идут немецкие танки!» «Тигры» их называли.

Что же делать? А были часть легко раненых, которые могли передвигаться, и часть тяжело раненых. Значит, созрела мысль. Ночью, через задний вход, стража у парадного входа стоит, попытаться дать возможность бежать легко раненым, чтобы они скрылись у знакомого местного населения.

Паспортов тогда не было, были аусвайсы. Это такие справки, которые выдавала биржа труда. Ну, как бы удостоверение, что ты житель вот этого места.

в конце марта я пошла работать на биржу. А в августе уже было окончательное освобождение этой местности от немцев. То есть, я довольно короткое время там работала. Но за это время я действительно достала эти аусвайсы, хотя это вообще было смертельно опасно, за такие фальшивые документы. И все люди, спрятанные нами, были спасены.

Конец оккупации. Первый арест.

Значит, кончилась оккупация, пришли наши войска. Ну, здесь, если б я была хоть немножко умнее, немножко расчётливее, я бы не сделала тот шаг, который, значит, я неразумно сделала. А что я сделала?

Население оккупированной территории не имело права передвижения, когда наши заняли эти войска. Потому что все начали проверки, там враги народа, изменники родины, предатели. Никого не пустили и шагу ступить где-то, значит, с переездом в другой город. И, вдруг, я прихожу сама в эту пасть и говорю, что дайте мне разрешение поехать, значит, учиться в университет. Конечно, мне никакой справки не дают.

И вот я оказалась в этом подвале на мельнице, мукомольного комбината, в женском отделе. А рядом громадное подземное помещение, где мужчины находились. Все набиты, как сельди в бочке. Воды нет, питания нет, ничего нет. И люди не поймут, как в аду, что же будет? Дышать нечем. Это подвал.

Значит, совершенно антисанитарные условия. И у меня началось рожистое воспаление ноги. Потому что там мы настолько в грязи были, что там и дизентерия началась, и Бог весть что. А у меня рожистое воспаление.

Второй арест и следствие

И я нахожусь дома на поруках, но мне же кажется, что, наверное, произошла ошибка, я ни в чём не виновата, я спасала людей, мне надо ехать в университет.

Это даже мне кажется невероятным. Вот неужели я могла, вот, ничего так не понимать, и из-за того, что я хотела учиться, поступить второй раз таким образом, когда первый раз меня уже арестовали. Я пошла второй раз.

Но было ещё хуже. Значит, меня бросили в яму.

Одним словом, за вот этот эпизод, что я работала переводчицей на бирже труда, и я, действительно, всегда говорила: «Да, я работала». Я в конечном итоге получила пятнадцать лет каторжных работ.

Этап

И вот положение, в каком же мы находились. Война. Ещё идёт война. Этикетка «Гонят фашистов», понятно, вызывала какой ажиотаж у населения! «Вот фашисты идут! Те, которые с немцами!» И так далее, и тому подобное.

И, значит, первое знакомство с уголовным миром в Котласе. Значит, гнали, нас гнали. Наконец, мы в Котласе. Величественная река, красивые дали, с одной стороны, а с другой стороны на берегу чёрные бараки, чёрные бараки, чёрные бараки. Вот это пересылка, куда нас/, мы попали, как во врата ада, туда. Значит, оказались мы, дошли мы до своего барака, где наш этап должен был располагаться. Заходим в барак - багровые стены. Мы вначале не понимали, что за окраска. Оказывается, там сплошные клопы. То есть, они создавали сплошной, багровый, вот, такую окраску. Крысы ходят среди дня.

Мы, значит, выскочили из этого барака и со своими пожитками сели на землю возле барака. Потому что эти клопы, эти крысы, казалось же, что совершенно нельзя сосуществовать. Когда мы сели на травке со своими пожитками, вдруг, мы видим, идёт какая-то свора не людей, а каких-то существ. Потому что, прежде всего, нет русского языка. Один мат. Это идут уголовники. Вот, я всю свою лагерную жизнь для меня мат, это было как вот олицетворение вот этой уголовной своры.

И вот эти уголовники самым циничным образом всё у нас отнимают. А мы - как в оторопении. Мы не понимаем, кто возле нас? Что это за люди? И они всё у нас отобрали. Как ниточку каждая.

Лагерь. Работа в шахте

Подъём. Значит, мы встаём за четыре часа до того, как начинается наш рабочий день. Нас начинают пересчитывать, потом нас кормят, потом нас готовят к выходу из зоны. Мы подходим к выходу из зоны, нас опять пересчитывают. И не только пересчитывают, а делают обыск. А когда это сотни людей, что такое обыск? И они пересчитывают, ошибаются, опять пересчитывают. Потом нас под конвоем, с собаками, с автоматами, когда автоматы уже появились в лагере или, там, с ружьями ведут на работу.

И, значит, вначале это совсем тоже ужасно было, клопы, постели нет в каторжном лагере. Постели нет, мы на каких-то своих шмотках спим. Одеты мы, как одеты. Значит, ватные брюки, нижнее бельё мужское грязное, телогрейка, и бушлат, и шапка-ушанка, и чуни. У каторжан в первые годы забрали все личные вещи в каптёрку. То есть, мы не могли переодеться. Это в других лагерях не практиковалось, это в каторжных лагерях. Поэтому мы в таком виде спускаемся в шахту, там мы мокрые, грязные, чумадые. Выходим из шахты. И первое время у нас не было бани, не было душа. Вот это вот был ужасный период, когда мы не могли помыться. И мы приходили в барак и грязными, в этой мокрой, грязной одежде, без постельных принадлежностей ложились на голые нары..

Так у нас в день умирало по девять человек. Это каждый день. Можно посчитать, сколько же за месяц.

Положение женщины в лагере

Потому что вопрос «мужчина-женщина», он был очень для нас мучителен. И молодые девушки сразу попадали в какие-то условия, когда, значит, определённые требования, там, начальство-мужчины предъявляли. Если ты отказывался, тебя спускали в шахту. Вот меня так очень быстро спускали в шахту, хотя я, в общем, попадала в медицинскую часть. У меня в формуляре было, что я работала в полевом госпитале. Ну, вот. Я попадала в медсанчасть. «Жить стало лучше, жить стало веселей!» Потом меня списывали опять на тяжёлые работы. Я попадала в шахту.

Новые этапы всё время приходили, и женские тоже. И вот нам в новом этапе попала одна очень молодая девушка, что-то ей лет было восемнадцать. Нам уже было двадцать, там, двадцать два, двадцать три, а она совсем молодая была и очень красивая.

Вначале мы все были поражены, какая красивая девушка. И, естественно, не только мы, а мужское соответствующее население тоже. И её там хотели куда-то определить по рукам, и не нашли, куда. Или там перессорились? И спустили в шахту. И что вы думаете? Она тоже на откатке. Она в первый же день попала в аварию, и ей отрезало две ноги.

Лагерные расстрелы

Мы заходим в зону. Ну, как обычно. Нас ведут к барaku, где мы должны разместиться. Зона какая-то мёртвая, людей нет. И мы подходим к барaku и видим, что барак, стены барака окровавлены. Там пули и, вот, кровь, даже человеческие мозги, какие-то части тканей человеческих. Что это такое?! Мы заходим в барак - он весь в крови! Оказывается, там до нас была мужская зона.

Ну, нам говорили, что до этого были какие-то военные, не то власовцы, не то ещё какие-то наши военные, и они решили сделать побег, забастовали. Они, там, обезвредили охрану, вышли из зоны, кто-то остался в зоне, не хотел принимать участие. Бежать из Воркуты было невозможно. Люди шли просто на верную гибель. И их расстреливали. Их расстреливали, там, с вертолётов в поле, потом загоняли в бараки. И прямо в бараках и возле бараков расстреливали людей. Значит, как это было, я могу только вот сказать те слова, которые до нас дошли. Но, то, что барак, стены бараков были со следами пуль, и то, что там была кровь и человеческие мозги, вот это факт. Ну, и, представляете, какое было у нас состояние. Нас заставили мыть бараки и потом мы в этом бараке жили.

Освобождение. Замужество

Значит, когда я освободилась досрочно, как известно, значит, освободилась я в ноябре, в самом конце ноября пятьдесят третьего года. Ну, я думала, как? Формула работала, какая? Самое главное – выйти на свободу. А там как-то все образуется. Самое главное – вырваться! Вырваться! Вот я вырвалась. И что меня ожидало.

Значит, идти мне действительно некуда. Ноябрь, это полярная ночь, начинается пурга, мороз. Одета я в резиновых ботиках. Представляете, заполярный круг, мороз. А куда мне идти?

Прихожу я в эту семью. Там одна маленькая, крошечная комната. Она набита битком. Значит, там освободившийся папа, освободившаяся мама, их ребёнок,

который был лагерный, и ещё какие-то приятели их приятелей, которые освободились, и им негде деться.

Он взял мои пожитки на саночки и повёз меня. Повёз эти пожитки, я с ним иду. Приводит он меня в барак. У него, действительно, там, комната, стол, стоит водка и какие-то приятели, все - явно бывшие уголовники.

Я выскочила из этой комнаты, пустая улица, начинается пурга, города я не знаю. Но я бежала, я бежала от этого, вещи мои там остались, в ужасе.

Но, как мне помочь, вот, непонятно было. Куда меня деть, потому что, прежде всего, где мне хоть ночевать, где мне жить? А у меня ещё была записка в Воркутинский музыкальный театр.

Познакомили меня с Лёшей Марковым. Он жил, он недавно получил комнату, жил там один. Комната тоже типа купе. То есть, там диван, маленький столик и всё. Ну, я рассказала свою историю. Он говорит: «Ну, что делать? Поживите у меня, а я буду жить в это время в театре, ночевать».

Ну и так была встреча с моим будущим мужем. Поскольку он проявил максимальное благородство, и я увидела, что он за человек. Он потом и стал моим мужем.

Возвращение в Москву

Проблемы всякие были. Но когда я в отделе кадров начала оформляться, они вначале меня так принимали, и я сказала, что, вот у меня особенность такая, я была реабилитирована, особенность, что я была осуждена по пятьдесят восьмой статье. Когда я это сказала, она говорит: «И вы с такой биографией пришли устраиваться в академический институт?» В общем, пришлось пойти вон, сразу же.

И так моя началась московская жизнь. На Воркуте я ещё поступила в заочный политехнический институт. В шестидесятом году, когда, меня реабилитировали в шестидесятом году, я окончила заочный политехнический институт, и получила какое-то образование инженерное.

А потом, значит, я защитила кандидатскую диссертацию, докторскую диссертацию. Была долгое время в Академии наук.

Работала над новыми проблемами, занималась кибернетикой. Ну, в общем, это уже была совсем другая жизнь.

Сценарий:

Алена Козлова, Ирина Островская (Мемориал - Москва)

Оператор:

Андрей Купавский (Москва)

Монтаж:

Себастьян Присс (Мемориал - Берлин)

Йорг Сандер (Sander Websites - Берлин)

© **Международный Мемориал 2011**